

А. А. Карапетян, Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

ПРИНЦИП ИНТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА: КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ ДИСКРЕДИТАЦИИ «ВРАГА»

АННОТАЦИЯ. Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался всплеском агрессивной интолерантности представителей различных политических, национальных и религиозных групп, что привело к актуализации экстремистского дискурса, представляющего собой публичные высказывания и тексты, содержащие в себе признаки экстремистского действия по отношению к объекту (власти или части общества) и являющегося частью дискурса враждебности. Психологической основой и причиной экстремизма становится именно интолерантность, проявляемая чаще всего в форме ксенофобии (неприязнь, враждебность, страх по отношению к другим людям и группам людей), предполагающая деление на «мы» и «они». На языковом уровне принцип интолерантности репрезентируется через языковую демагогию, которая и дает возможность создавать фантомные социумы «своих» и «чужих». В ходе анализа языкового материала экстремистской направленности были выявлены две основные коммуникативные стратегии, характеризующие «чужих» как одну из составляющих фантомного биполярного мира: дискредитация и запугивание. Целью стратегии дискредитации является стремление подорвать доверие, уличить в чем-либо, вызвать сомнение, а также ненависть и гнев к объекту речи. В связи с этим избираются и соответствующие тактики: 1) тактика «образа врага»; 2) тактика «наклеивания ярлыков»; 3) тактика «разоблачения»; 4) тактика «односторонности освещения событий». Стратегия запугивания, целью которой является внушить страх, показать жестокость окружающего мира, в практике религиозно-политического и религиозного экстремизма чаще всего сопровождает и усиливает стратегию дискредитации «врага», поэтому основными ее тактиками становятся: 1) тактика «эмоционального заражения»; 2) тактика «экспрессивного удара»; 3) тактика «манипулятивного комментирования».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; экстремистский дискурс; экстремистские материалы; интолерантность; фантомный биполярный мир; стратегии дискредитации; стратегии запугивания; психолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Карапетян Артур Андраникович, Центр по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области; 620017, Россия, г. Екатеринбург, ул. Жукова, 4а.

Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 149; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался всплеском агрессивной интолерантности представителей различных политических, национальных и религиозных групп, что привело к актуализации экстремистского дискурса.

Переходя к осмыслению понятия «экстремистский дискурс», стоит сразу оговориться, что единой его дефиниции на сегодняшний день так же нет, как и у термина «экстремизм».

Ряд исследователей (В. А. Салимовский, В. А. Мишланов, Л. М. Ермакова) отмечают, что экстремистский дискурс представляет собой «часть дискурса враждебности — практики, представленные высказываниями и текстами, имеющими признаки противоправных (экстремистских) деяний» [Салимовский, Ермакова 2011: 72]. Согласно поправкам к № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 29 апреля 2008 г., к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по

признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (свастика);

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских мате-

Статья написана в рамках работы по гранту Российского государственного научного фонда (проект № 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса»).

© Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р., 2017

риалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [ФЗ № 114-ФЗ 2002].

Более развернутую трактовку исследуемого термина встречаем у Л. В. Коростелевой, где под экстремистским дискурсом понимаются «публичные идеологически мотивированные высказывания социально-политического и/или религиозного содержания, обращенные к потенциальному единомышленнику и ориентированные на психологическое влияние средствами языка; их целью является формирование экстремистских идеологических установок, пропаганда социального насилия и призывы к агрессивным действиям против государственной власти или определенной части общества» [Коростелева 2017: 46].

Итак, основой этих определений экстремистского дискурса становятся публичные высказывания и тексты, содержащие в себе признаки экстремистского действия по отношению к объекту (власти или части общества).

Вслед за В. А. Мишлановым и В. А. Салимовским экстремистский дискурс мы будем считать частью дискурса враждебности, который представляет собой «враждебное отношение людей к другим и/или в соответствии со своей целеустановкой» содержит «явно несправедливые оценки, обидчивые утверждения и пр. и потому закономерно вызывает вражду» [Мишланов, Салимовский 2006].

На протяжении уже нескольких десятилетий ученые (Э. А. Паин, Л. В. Баева и др.) отмечают, что психологической основой и причиной экстремизма становится именно интолерантность, проявляемая чаще всего в форме ксенофобии (неприязнь, враждебность, страх по отношению к другим людям и группам людей), предполагающая деление на «своих» и «чужих», где «психологическая функция заключается в защите от других, а

цель — изоляция, либо полная, либо частичная» [Солдатов]. Психологи отмечают, что в основе данного принципа лежат особенности психики человека: первая связана с тем, что «свои», т. е. «мы», всегда кажутся привлекательными и с ними безопасно, с ними чувствуешь уверенность и значимость, а вторая проявляется в том, что «чужие», т. е. «они», нужны для того, чтобы сильнее осознать свою причастность к группе. И третий момент, по мнению П. Николсона, связан с тем, что система ценностей толерантности порой достаточно сложна для человеческого понимания. Дело в том, что толерантность предполагает некую необходимость примирения индивида с некоторыми отклонениями, выходящими за рамки его системы ценностей, а это может привести к внутреннему конфликту. «Если удастся примириться с отклонением, то необходимо, с одной стороны, с чем-то расстаться (например, с желанием оскорбить, подавить или вытеснить кого-то) и в то же время, с другой — сохранить приверженность своим собственным убеждениям. Вот эта борьба между приверженностью собственным взглядам и признанием позиции и убеждений других определяет толерантность как внутренне напряженную категорию, более сложную для понимания по сравнению с интолерантностью» [Баева]. Потому и интолерантность более проста для понимания и приемлема для большинства. В связи с этим во многих материалах экстремистского дискурса отмечается яркое проявление принципа деления на «своих» и «чужих».

На языковом уровне принцип интолерантности репрезентируется через языковую демагогию, которая и дает возможность создавать фантомные социумы «своих» и «чужих». Подобный эффект создается за счет использования личных местоимений «мы» и «они», а также их указательных и притяжательных форм. В результате такого противопоставления рисуется фантомный биполярный мир, упрощенный для восприятия и содержащий в себе одностороннюю интерпретацию подаваемых «актором» событий.

В ходе анализа языкового материала экстремистской направленности были выявлены две основные коммуникативные стратегии, характеризующие «чужих» как одну из составляющих фантомного биполярного мира: дискредитация и запугивание.

Итак, целью стратегии дискредитации является стремление подорвать доверие, уличить в чем-либо, вызвать сомнение в чьей-либо правоте, а также ненависть и гнев к объекту речи. В практике религиозно-политического экстремизма, представленно-

го ваххабизмом, можно выделить два основных объекта, в отношении которых применяются данные стратегии: 1) «неверные», не относящиеся к миру ислама и представляющие ему угрозу (силовики, «фээсбэшники», российские солдаты, полицейские, Россия в целом и те, кто ведет войну с ИГ — запрещенной в РФ организацией); 2) «отступники» от столпов ислама, признающие нововведения и т. п. (шииты и сунниты-ханафиты, которыми представлен российский мусульманский мир). В связи с этим избираются и соответствующие тактики, целью которых является создание негативной оценки «врага» через обличение, обвинение в лицемерии и вероломности и, конечно, оскорбление.

1. Тактика «образа врага» предполагает объявление кого-либо врагом нации, народа, религии.

Черных дней череда, трудный час наступил,

*На чеченскую землю **враг-безбожник** вступил* (Т. Муруцаев. «Пламя войны»).

2. Тактика «наклеивания ярлыков», с точки зрения информационно-психологического воздействия представляет собой пропагандистский прием, заключающийся в выборе оскорбительных эпитетов, метафор, названий для именования объекта, вызывающих эмоционально негативное отношение окружающих и ассоциирующихся у них с низкими поступками [Панарин]. Она реализуется через использование таких языковых средств, как инвективная или близкая к инвективной лексика — слова и выражения, содержащие в своей семантике намерение (интенцию) унижить, оскорбить, опозорить адресата.

И до сих пор, Волчицей раненой, Чечня,

*С земли своей **шакалов** ты гнала* (Т. Муцураев. «Чечня»).

В текстах песен Т. Муруцаева, чеченского барда и участника Первой чеченской войны, этот образ прежде всего связан с российскими военнослужащими, ведшими военные действия на территории Чечни в период Первой и Второй чеченских кампаний. Согласно традиции мусульманского Востока, образ шакала символизирует «трусость» и «подлость». Исходя из контекста, данная зоосемантическая метафора содержит в себе негативную оценку и грубую экспрессию презрения (высшую степень) говорящего к российским солдатам, что способствует умалению их достоинств как воинов, а это дает основания отнести ее к 4-му разряду инвективной лексики.

***Собаки** в форме полиции РФ сегодня утром ворвались в одну из мечетей Махачкалы.*

Опять же согласно исламской традиции,

собака считается существом нечистым и презренным, способным осквернить одежду, пищу и самого человека, хотя признается ценность собаки как сторожа, охраняющего покой своего хозяина. Поэтому в данном примере зоосемантическая метафора также содержит негативную оценку и грубую экспрессию презрения.

Очень часто в проповеднических текстах имамы-салафиты для создания негативного образа суннитов-ханафитов используют образ «заблудшей секты», подчеркивая тем самым «отступничество» оппонентов от столпов ислама и «неправильность» религиозного учения.

*Не дал Аллах возможности душам ходить по этой земле и посещать, как думают некоторые **заблудшие секты** (о ханафитской религиозно-правой школе суннизма — прим. авт.), в других религиях. Да, это заблуждение.*

3. Тактика «разоблачения», суть которой заключается в выявлении истинного, с точки зрения говорящего, положения вещей. Подобную тактику встречаем в проповеднических текстах имамов-салафитов, направленных на формирование негативного образа суннитов-ханафитов, нарушающих, по мнению авторов текста, предписания Корана, что и способствует созданию атмосферы религиозной нетерпимости к оппонентам со стороны «истинно» верующих — салафитов. Приведем пример.

И сегодня мы вот с этого момента, с четвертого века, получили вот это нововведение — чтение маулида. И в нем есть пагубная вещь. Когда этот маулид читается, читающие маулид заходят в кружки вот в эти и совершают они специально ритуал. Во время этого ритуала открывают окно, ставят в кругу своём соль и воду и, когда доходят до этого места, говорят: „Добро пожаловать, любимый Аллахом!“. То есть посланник, пророк Мухаммед, якобы через вот это открытое окно или открытую дверь в это время заходит, заходит его душа. И они все в это время встают, когда читают. То есть у человека создается впечатление, что во времена маулида душа пророка Мухаммеда посещает этот меджлис. А мы знаем, что душа пророка Мухаммеда где? на небесах! Его тело в могиле, его душа на небесах.

В данном отрывке достаточно четко прослеживается намек на проведение во время чтения по случаю Маулида (название праздника, посвященного рождению пророка Мухаммеда) ритуала по вызыванию духа, используемого в практической магии предска-

зателями (ведьмами). Как правило, для проведения подобной церемонии используют стакан с водой, в которую бросают горсть наговоренной соли и затем ставят на подоконник открытого окна. Таким образом, говорящим намеренно проводится параллель с сектой, практикующей «черную» магию.

Приведем еще один пример разоблачения, только уже шиитского направления ислама, которое также представляют сектой, где адепты во время празднования совершают ритуальные танцы, нарушая таким образом основные заветы ислама.

В этой мечети молодые люди обращаются к имаму Али, мученику и зятю Пророка, который, как они считают, слышит их молитвы и заступается за них перед Богом. Другие мусульмане отвергают подобные события, считают их почитание святых богохульством. Независимо молишься ли ты в одиночестве или вместе с другими людьми, у тебя возникают личные отношения с самим Богом. И так происходит со всеми. Это суть послания Корана и основа веры суннитов. <...> Но порой люди жаждут веры, которую можно потрогать и почувствовать. Им нужна драма, музыка, обряды, великие истории о жертвоприношениях, боли, мученичестве и искуплении. Им нужен кто-то, кому можно молиться, кто в облике человека. Шиитский ислам удовлетворяет эти потребности. <...> Когда мусульмане молятся у могил умерших святых, они переступают через этот строгий принцип Ислама. В Коране четко говорится, что это грех.

4. Тактика «односторонности освещения событий», суть которой заключается в том, что дается высказывание лишь одной из полемизирующих сторон, в результате чего достигается ложный (скрытый) эффект наличия возможности различных интерпретаций подаваемых в материале событий при фактическом исключении возможности альтернативных интерпретаций. В подобных проповедях подробно подчеркиваются и раскрываются только основные догматы салафитов: нежелательным и порицаемым является любое нововведение в религию, празднование Маулида, а взывание к Пророку считается одним из проявлений ширка (признания какого-либо реального или мифического объекта или субъекта равным Аллаху в могуществе или творческой способности, а также признания наличия в этом объекте или субъекте божественности с последующим почитанием, служением и поклонением ему), но при этом полностью замалчиваются особенности ханафистской ре-

лигиозно-правовой школы суннизма.

А пророк Мухаммед сказал: „Каждое нововведение в религию является заблуждением, по причине каждого заблуждения человек в огне“.

Пока маулид никакого отношения к религии не имеет.

И второе это нововведение, то что человек ещё начал думать, что душа пророка Мухаммеда ходит, посещает. И некоторые потом уже подвигают к тому, что в это время человек даже начнёт обращаться за помощью к пророку Мухаммеду и его душе. Это уже полный бунт выход из ислама — куфр.

Стратегия запугивания, цель которой — внушить страх, показать жестокость окружающего мира, в практике религиозно-политического и религиозного экстремизма чаще всего сопровождает и усиливает стратегию дискредитации «врага».

Рассмотрим тактики запугивания на конкретном примере — видеозаписи, содержащей обращение Салмана Севера, представителя Русского Исламского Движения. Основной посыл — «силовики» изнасиловали мусульманку, поэтому необходимо дать отпор этому «беспределу» и остановить бесчинство представителей этих структур.

1. Тактика «эмоционального заряжения», с точки зрения информационно-психологического воздействия заключается в «заряде» нужной информации необходимыми эмоциями, способными преодолеть барьер разума и вызвать в индивиде взрыв страстей, заставив его переживать. Такой эмоцией становится гнев, вызванный аморальным поступком в отношении мусульманской женщины.

Говорят, что в Дагестане произошло изнасилование мусульманки так открыто, так нагло, так оскорбительно впервые. <...> Но подумайте: одинокая женщина, одинокая сестра, которую изнасиловали по пьяни, животным образом, оскорбили, унизили, растоптали, втоптали ее честь в землю. И кто это сделал? Это сделал тот, кто якобы призван бороться с живыми, реальными, нереальными, виртуальными террористами.

2. Тактика «экспрессивного удара», заключающаяся в намеренном транслировании ужасов, совершаемых представителями силовых структур в отношении мусульманских женщин.

Но я могу сказать, что если мусульмане не ответят сегодня, то эти изнасилования и подобного рода унижения наших сестер будут происходить постоянно. <...> Или им нужно, чтобы зав-

тра восстал народ, в котором **мужчины** не могут мириться с тем, что их так **публично оплевывают в их доме?** <...> Если эта ситуация не получит решительной отповеди, самой решительной отповеди от всех мужчин, кавказцев, от всех мусульман России, от каждого по отдельности, от всех, сообщаю, что завтра в вашем доме люди в погонах будут насилловать ваших сестер и ваших дочерей.

3. Тактика «манипулятивного комментирования» дает возможность делать необходимые акценты в освещении того или иного события. В данном случае таким акцентом можно считать тот факт, что изнасилование мусульманской женщины, по мнению говорящего, и есть унижение самой религии — ислама.

Если сегодня мусульманский проект не так состоятелен, как хотелось бы, если сегодня исламский фактор не может мобилизовать бесчисленные человеческие массы мусульман Кавказа, в том числе России вообще, на сопротивление агрессорам и унижителям нашей религии, то, может, и нас остается хоть что-то мужское, чтобы восстать против несправедливости и тирании, проходящейся молотом по нашим сестрам.

Успех вышеизложенных коммуникативных стратегий и тактик прежде всего обеспечивается их открытостью для читателя, недвусмысленностью, апелляцией к чувственной сфере — эмоциям (страху, ненависти), что дает возможность создавать емкий, многогранный и устойчивый негативный образ. И, как отмечает Н. Б. Руженцева, именно образ как «целостная форма отражения и выражения чувств, мыслей, стремлений и эмоций автора» [Руженцева 2004: 157] является сильным средством воздействия на со-

знание молодежи, характеризующейся низкой религиозной грамотностью и порой низким уровнем образования и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура / ГБОУ ВПО «Астрахан. гос. ун-т». 2008. № 3. С. 21—25.
2. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. — СПб. : Издат.-торговый дом «Скифия», 2008. 403 с.
3. Кетов А. Р. Механизмы формирования российского экстремистского движения // Молодой ученый. 2016. № 11 (115), июнь. С. 1129—1133.
4. Коростелева Л. В. Концепт «патриотизм» в контексте националистического экстремистского дискурса // Научный диалог. 2017. Вып. 3. С. 45—54.
5. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Социоллингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). С. 107—113.
6. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 56—65.
7. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113—124.
8. Панарин И. Н. Информационная война и выборы. — М. : Городец, 2003. 416 с.
9. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. 294 с.
10. Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 3 (15). С. 71—80.
11. Солдатова Г. Практическая психология толерантности. URL: <http://www.tolz.ru/library/?de=0&id=425>.
12. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o>.
13. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе. 05.06.2007. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93413.htm>.

A. A. Karapetyan, Yu. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

THE PRINCIPLE OF INTOLERANCE AS A PSYCHOLOGICAL BASIS OF EXTREMIST DISCOURSE: COMMUNICATIVE TACTICS AND WAYS OF THE “ENEMY” DISCREDITATION

ABSTRACT. The turn of the century is marked by the growth of aggressive intolerance among the members of different political, ethnic and religious groups that led to the rapid development of extremist discourse that is made of public addresses and texts with the elements of extremism against some object (power or a part of society) and make the part of hostility discourse. The psychological basis and the cause of extremism is intolerance in the form of xenophobia (hostility to the other people or groups of people) that divides the society into “we” and “the others”. In the language the principle of intolerance reveals itself in the form of demagoguery that creates the phantom societies of “us” and “the others”. The analysis of extremist texts revealed two main communicative strategies that characterize “the others” as one of the elements of the bipolar world: discredit and threatening. The goal of discredit strategy is the desire to shatter confidence in or arouse doubt and anger towards someone. The following tactics are chosen: 1) “the image of enemy” tactic; 2) “labeling” tactic; 3) “exposure” tactic; 4) “one view of the event” tactic. The strategy of threatening aims at scaring and showing the cruelty of the world; in religious and political extremism it usually accompanies and intensifies the discredit strategy, so its main tactics are: 1) “emotional contamination” tactic; 2) “expressive shock” tactic; 3) “manipulative comments” tactic.

KEYWORDS: extremism; extremist discourse; extremist materials; intolerance; phantom bipolar world; discredit strategy; threatening strategy; psycholinguistics.

ABOUT THE AUTHORS: Karapetyan Artur Andranikovich, Centre of Counteraction and Prevention of Extremism of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia.

Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Advertising and PR, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Baeva L. V. Ekstremizm: priroda i formy proyavleniya // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura / GBOU VPO «Astrakhan. gos. un-t». 2008. № 3. S. 21—25.
2. Zelinskiy S. A. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie na massovoe soznanie. Sredstva massovoy kommunikatsii, informatsii i propagandy — kak provodnik manipulativnykh metodik vozdeystviya na podsoznanie i modelirovaniya postupkov individa i mass. — SPb. : Izdat.-torgovyy dom «Skifiya», 2008. 403 s.
3. Ketov A. R. Mekhanizmy formirovaniya rossiyskogo ekstremistskogo dvizheniya // Molodoy uchenyy. 2016. № 11 (115), iyun'. S. 1129—1133.
4. Korosteleva L. V. Kontsept «patriotizm» v kontekste natsionalisticheskogo ekstremistskogo diskursa // Nauchnyy dialog. 2017. Vyp. 3. S. 45—54.
5. Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Sotsiolingvisticheskie markery ekstremistskogo teksta // Gumanitarnyy vektor. 2015. № 4 (44). S. 107—113.
6. Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Diskurs vrazhdebnosti kak sotsial'nyy fenomen // Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. S. 56—65.
7. Pain E. A. Sotsial'naya priroda ekstremizma i terrorizma // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 4. S. 113—124.
8. Panarin I. N. Informatsionnaya voyna i vybory. — M. : Gorodets, 2003. 416 s.
9. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. 294 s.
10. Salimovskiy V. A., Ermakova L. M. Ekstremistskiy diskurs v massovoy kommunikatsii Runeta // Vestn. Perm. un-ta. 2011. Vyp. 3 (15). S. 71—80.
11. Soldatova G. Prakticheskaya psikhologiya tolerantnosti. URL: <http://www.tolz.ru/library/?de=0&id=425>.
12. Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 N 114-FZ (red. ot 23.11.2015) «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti». URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o>.
13. Khanbabaev K. M. Religiozno-politicheskiy ekstremizm i terrorizm v polietnokonfessional'nom obshchestve. 05.06.2007. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93413.htm>.